

Тридцатое число двенадцатого месяца, ночь. Стояла лютая зима. В Зале Цяньцин работало напольное отопление. Снаружи бесшумно падали хлопья снега, свирепый ледяной ветер пробирал до костей, но внутри было тепло и уютно.

Стеклянная крыша отражала мягкое оранжевое сияние ярких свечей, надежно защищая комнаты от зимней стужи.

Император только что вернулся в Зал Юнхэ после празднования с сановниками. Он снял верхнюю одежду, и тут же из тени появился теневой страж, принял его наряд и аккуратно повесил на вешалку из золотой нанмы, рядом с которой стоял обогреватель, чтобы просушить вещь.

Шёл уже третий год правления Чао Чимина. Когда праздничный шум утих, вокруг воцарились тишина и одиночество.

Этой ночью министры осмелели куда сильнее прежнего и поднесли немало вина Сыну Неба, который, казалось, был в весьма неплохом расположении духа. Накануне вечером великий генерал Цэнь, охранявший северные рубежи, прислал весть о великой победе: его войска разгромили тридцатитысячную армию Лухуан. Чао Чимин был невероятно рад, и его обычно сдвинутые брови разгладились, подарив сановникам надежду.

Напоив Императора, они попытались уговорить его взять в жены хотя бы одну наложницу.

Гарем пустовал уже три года, а Император всё еще не завел наложниц. Чиновники невольно задавались вопросом: не страдает ли он часом каким-нибудь скрытым недугом? Они уже много раз тайком и в открытую расспрашивали придворных лекарей: если у Его Величества есть тайная болезнь, ее нужно лечить как можно скорее! Все только и ждали, когда же императорский гарем наконец наполнится жизнью.

Лань Сяочуань был личным теневым стражем Чао Чимина. Он не только превосходно владел боевыми искусствами, но и отличался проворством.

Повесив императорский наряд на вешалку, он опустился на одно колено и подошел к Императору:

— Император, желаете ли этой ночью принять ванну?

Евнух внес таз с заготовленной теплой водой и тут же удалился.

— Ты пришел, чтобы убить Меня? — прищутив холодные глаза, произнес Чао Чимин. Человек в черном был при смерти, но даже не пытался сопротивляться — на убийцу он совсем не был похож. Когда Лань Сяочуань начал сопротивляться, он случайно задел ногой стоявший на полу таз с водой, опрокинув его. Боясь, что его обнаружат и он лишится головы, Лань Сяочуань больше не смел делать ни малейшего движения — до тех пор, пока его руки и ноги не прижали

намертво, и дыхание рядом наконец не успокоилось.

Подойдя к Драконьему ложу, Лань Сяочуань стянул с Чао Чимина одежду. Отбросив посторонние мысли, он принялся усердно протирать его тело, но, коснувшись кое-чего определенного, его рука невольно сжалась и отдернулась. Хотя они оба были мужчинами, он все же чувствовал себя несколько неловко — и вовсе не из-за какого-то там чувства неполноценности, ведь размерами он тоже не был обижен, просто по сравнению с Императором тот действительно превосходил его в этом отношении.

Обычно возле Императора находились специально обученные евнухи, но, к сожалению, три года назад все они по тем или иным причинам навлекли на себя гнев Императора и внезапно умирали. После этого главный евнух уже не смел бездумно отправлять людей прислуживать Императору. Так совпало, что Лань Сяочуань как раз был выбран на роль личного теневого стража Императора, и главный евнух Хэ Вэйцин обратился к нему с уговором: время от времени помогать присматривать за Императором, а когда у того будет хорошее настроение, приказывать остальной прислуге входить и прислуживать.

Чао Чимин резким движением затащил его под одеяло, ткнулся носом в ямочку на плече Лань Сяочуаня и, превратив его в живую подушку для обнимания, прижал к постели мертвой хваткой.

Одним движением сорвав с него матку, он обнажил безупречное, потрясающей красоты лицо.

Глаза Лань Сяочуаня тут же затуманились влажной дымкой.

— Подданному уже двадцать пять лет, — тут же произнес Лань Сяочуань. Возраст он тогда завысил: иначе в восемь лет его просто не приняли бы в тренировочный лагерь, а не попали он туда, то умер бы с голоду.

Чао Чимин выпил немало вина, и хотя внешне казалось, что всё в порядке, на самом деле его мысли уже превратились в сплошную кашу. Лань Сяочуань не дождался ответа от Чао Чимина. Обернувшись, он обнаружил, что Император уже лежит на кровати. Опешив, он забрал из рук Чао Чимина полотенце и снова закутал лицо. Для теневого стража превыше всего, разумеется, защита Императора, а на втором месте — защита собственного лица. Кто виноват, что он выглядит слишком юным? Начни кто-нибудь подозревать неладное, и проблем не оберешься.

Лань Сяочуань не смел шевельнуться ни на дюйм.

Лань Сяочуань с трудом посмотрел на пахнущего алкоголем Чао Чимина, заснувшего прямо на кровати. Если Император уснет, не умывшись, нет никакой гарантии, что на следующий день его не настигнет наказание.

Лань Сяочуань отправился на поиски главного евнуха Хэ.

Эта работа вообще-то не входила в обязанности Лань Сяочуаня, но главный евнух Хэ умолял его вновь и вновь, утверждая, что от других Император только злится, и Лань Сяочуань был вынужден кивнуть.

Он широко раскрытыми глазами смотрел на гладкий потолок из цветного стекла, а затем скосил взгляд на лежащего рядом Чао Чимина. Император был несравненно хорош собой, его черты лица казались высеченными из камня, а угловатое лицо поражало своей красотой. Под соболиными бровями таились черные, мрачные и глубокие глаза. Будучи тeneвым стражем, Лань Сяочуань уже бесчисленное количество раз видел Императора, и на этом суровом лице никогда не было улыбки.

Лань Сяочуань знал, насколько безжалостен этот правитель. До того как он стал личным служей, неизвестно сколько людей, прислуживавших Императору, рассталось с жизнью. Теперь очередь дошла до него, и он не знал, когда лишится своей собственной головы. Он не хотел умирать, он хотел жить, ведь у него было еще столько дел.

Лань Сяочуань попытался медленно сдвинуться с места, стараясь высвободить руки и ноги, иначе завтра, когда повелитель проснется и увидит его на Драконьем ложе, он непременно убьет его.

Лань Сяочуань украдкой шевельнул рукой и вытащил ее, но ноги вытянуть никак не удавалось. Когда он попытался сделать это в очередной раз, обладатель суровых бровей внезапно распахнул пронзительные глаза, в глубине которых мелькнула свирепость.

— Чего ты ерзаешь посреди ночи? — Повелитель, казалось, рассердился, что его сладкий сон прервали, и его спокойный взгляд за секунду превратился из кошачьего в тигринный, наполнившись жадой убийства и недовольством.

Он не получил ответа от Лань Сяочуаня, и когда тот снова обернулся, то обнаружил, что Император уже лежит на кровати. Опешив, он забрал из рук Чао Чимина полотенце и снова закутал лицо...

Лань Сяочуань был полностью поглощен тем, что вытирал тело Императора, и совершенно не заметил, как тот открыл глаза. Холодный взгляд фениксоподобных глаз упал прямо на Лань Сяочуаня.

— Император не может спать грязным, иначе завтра и ваша, и моя головы полетят с плеч. Вот что: я велел принести воды, вымойте Императора как следует и переоденьте его.

— Император, ваш слуга — тeneвой страж Императора, — бесстрастно произнес Лань Сяочуань. Вдруг дыхание перехватило: чьи-то руки уже сжали его горло. Лань Сяочуань не смел сопротивляться. Глядя на правителя перед собой, он мысленно повторял долг тeneвого стража: абсолютное подчинение Императору, исполнение любого приказа ценой собственной жизни.

Лань Сяочуань запаниковал. Его лицо увидели!

— Почему ты выглядишь таким маленьким? — Чао Чимин ущипнул собеседника за щеку. Пухлое детское лицо казалось мягким. Сам Чао Чимин был ненамного старше, но за те несколько лет, что он провел на троне, он повзрослел больше чем на десяток лет.

— Мм? Ты кто? — Чао Чимин прищурил свои фениксоподобные глаза, взглянул на стоявшего на коленях человека и внезапно растерялся.

Он крепко вцепился в горло Лань Сяочуаня.

— Как ты оказался на кровати? — слово за словом вопрошал он, и в его глазах пылала жестокая, яростная свирепость кровожадного зверя.

Следом он заметил, что прижимает к себе другого человека, и кровожадный блеск в его глазах немного померк.

— Главный евнух приказал вашему слуге вытереть Императора перед сном. Когда ваш слуга вытирал вас, вы сами затащили меня на кровать, — честно ответил Лань Сяочуань. Глядя на человека перед собой, он не произнес ни единой мольбы о пощаде. Теневой страж не смеет молить о пощаде, и если Император пожелает его смерти, он не посмеет даже сдвинуть брови.

— Ступай вон и прими наказание, — бросил Чао Чимин, словно проверяя правдивость слов собеседника. Глаза теневого стража были чисты, и в них не было ни тени лжи.— Слушаюсь.

Лань Сяочуань без спешки поднялся с Драконьего ложа. Его воротник был слегка смят, а на щеках играл румянец — к счастью, Император не стал казнить его за тягчайшее оскорбление величества.

Свободной и размеренной походкой он вышел из дверей опочивальни, где его жэнь толпа евнухов и слуг.

— Господин Лань, вы в порядке? — Главный евнух Хэ бросил на него многозначительный взгляд. Сегодня ту бадью с водой внесли внутрь и не выносили так долго, что он уже решил, будто Император оказал милость Теневому стражу Лань. Изрядно поднатужившись, он прижимал ухо к дверной щели, но не услышал ни звука.

Будучи теновыми стражами, они, разумеется, хранили абсолютную верность Императору: не стали бы причинять ему вреда и не отказались бы ни от какого его требования, даже самого неразумного. Неужели господин Лань уже ублажил Императора?

Может, завтра попытаться еще раз вывести у Теневого стража Лань, как обстоят дела? Если Император действительно обласкал его своей милостью, то господин Лань теперь станет не

просто стражем, а фаворитом.

Лань Сяочуань отправился отбывать наказание. За нерадивый уход за Императором Теневому стражу полагалось двадцать ударов плетью по спине — это было самым мягким из возможных наказаний.

На следующий день Лань Сяочуань снова заступил на дежурство. Чао Чимин с первого же взгляда узнал в стоявшем перед ним страже того самого, которого сам же вчера и наказал. На самом деле он догадывался, что, скорее всего, наказал невиновного. Прошлой ночью он выпил слишком много вина, и кусок воспоминаний стерся из памяти. Проснувшись и увидев спящего на Драконьем ложе Теневого стража, он решил, будто тот намеренно забрался к нему в постель, и в порыве гнева приказал отправить его на порку.

Во второй день Лань Сяочуань по-прежнему дежурил в маске. Устроившись на потолочной балке, он слился с деревянным брусом воедино, а когда к Чао Чимину приходили с докладом сановники, искусно скрывал свое присутствие, не позволяя никому себя обнаружить.

У Лань Сяочуаня было прекрасное мастерство владения телом. Притаившись у вертикальной балки, он не выдал себя ни единой тенью.

— Умоляю Ваше Величество проявить милосердие! Наш род три поколения верой и правдой служил государству, и лишь потому, что мальчишка потерял рассудок, он совершил столь тяжкий проступок! — Чиновник средних лет безостановочно бился лбом о пол, вымаливая прощение, так что его лоб заметно покраснел.

Сын дувэя Гуаня тайком открыл игорный дом, силой похитил дочь простолюдина, принудил ее к блуду, а затем продал в бордель. Когда эта история дошла до Императорского дворца через жалобу самой девушки, Император пришел в ярость и приказал столичной управе схватить преступника, бросить в темницу и дожидаться судебного разбирательства. Если вина подтвердится, по законам Великого Чжао преступника ждала смертная казнь осенью.

Работа теневого стража не назовешь скучной — в конце концов, от его глаз и ушей не ускользало ничего из происходящего в залах суда. Он мог расслышать от начала до конца даже самые интимные беседы Императора с министрами. Вот и сейчас этот дувэй Гуань уже принялся перечислять былые заслуги трех поколений своего рода.

Прислушается ли Император к мольбам о помиловании?

Лань Сяочуань был готов голову дать на отрез: Чао Чимин ни за что не послушает. Напротив, чем сильнее тот умолял, тем больше злился Император.

— Старый слуга верой и правдой, с предельным усердием и трепетом управлял лагерем столичной стражи! Нельзя ли ради старика сохранить жизнь Фэн-эр, он ведь оступился впервые! — стоя на коленях, мужчина средних лет продолжал колотить лбом о пол.

— Раз уважаемый Цин считает, что забот со столичной стражей слишком много, Я разрешаю тебе с этого дня уйти в отставку по старости и вернуться в родные края. Свободен, — на лице Императора промелькнуло выражение крайнего раздражения.

Лань Сяочуань не смог удержаться от улыбки — это была радость оттого, что его догадка подтвердилась. Уголки его губ изогнулись, а под маской проступила едва заметная ямочка на щеке. Его глаза, сиявшие подобно вечным звездам, выглядели необычайно оживленными.

Гуань Шицзе замер, не веря своим глазам, и уставился на Императора.

— Эй, стража! Принесите дело Гуань Лянфэна! Завтра пусть столичный управленец вынесет приговор и накажет по всей строгости закона! — В глазах Чао Чимина плескалась непроглядная тьма, лишенная малейшего тепла.

Очевидно, Гуань Шицзе никак не ожидал такого поворота.

— Я заставлю тебя заплатить за моего сына! — Дувэй Гуань вдруг словно помешался: он выхватил кинжал и бросился на Чао Чимина. Полагалось, чтобы военачальники перед входом во дворец сдавали всё оружие на хранение страже, но этот дувэй умудрился пронести клинок с собой и теперь замыслил покушение на Императора.

Лань Сяочуань никак не ожидал, что кто-то посмеет поднять руку на Императора. Одним прыжком он сорвался с потолочной балки и приземлился прямо на стол.

Чао Чимин, уставившись на не слишком аккуратный отпечаток ноги на поверхности стола, почувствовал, как на его виске запульсировала жилка в виде крестика.

Лань Сяочуань молниеносно извлек свой излюбленный кинжал: левой рукой он зажал между пальцами пять коротких метательных ножей, а в правой сжимал клинок подлиннее, как раз успев парировать удар нападавшего.

Противник был опытным военачальником, и Лань Сяочуань не смел относиться к нему легкомысленно: отражая атаки, он должен был еще и надежно защищать Императора.

Лань Сяочуань всегда знал, что Чао Чимин владеет боевыми искусствами — в конце концов, ему доводилось видеть, как Император тренируется. Но вот до какого именно уровня дошло мастерство Чао Чимина, он толком не представлял.

Наверное, это были всего лишь показушные цветочные кулаки и танцы с ногами?

В конце концов, этот легендарный муж в юные годы потратил всего семь лет на то, чтобы усмирить междоусобные войны в провинциях Великого Чжао и собрать всю Поднебесную в единый кулак. Люди с чересчур острым умом обычно не отличаются выдающейся физической

силой, думал Лань Сяочуань.

Пять коротких кинжалов со звуком тык-тык-тык пробили насквозь целый ряд досье на книжной полке в императорском кабинете, оставив во всех бумагах отчетливые дыры.

На виске Чао Чимина вздулась еще одна жилка. Он сверлил взглядом фигуру Теневого стража, совершавшего эти бурные телодвижения.

Мятежник Гуань владел боевыми искусствами неплохо, а Лань Сяочуань сегодня нехотая отбыл наказание, поэтому поясница его гнулась не слишком ловко. С глухим стуком он случайно смахнул на пол все мемориалы-цзоуцзи, лежавшие на столе Чао Чимина.

Тут Чао Чимин окончательно потерял самообладание.

Одним мощным пинком Лань Сяочуань впечатал дувэя Гуаня в стену, у которой стоял ряд книжных шкафов. Стеллажи с грохотом рухнули, обрушившись на пол подобно ряду костяшек домино со звуками бах-бах-бах.

— Если ты сейчас же не скрутишь его, твоя голова разлетится на семь-восемь кусков, точь-в-точь как эти доклады, — в руке Чао Чимина оставался последний мемориал. Под воздействием внутренней энергии бумага разлетелась на мелкие кусочки и медленно осыпалась на пол.

Услышав это, Лань Сяочуань тут же внутренне подобрался. Всем телом он бросился вперед, прижав Гуань Шицзе к полу. Два кинжала с хирургической точностью вонзились в запястья противника, а рука стража резко крутанула его за подбородок, вывихнув челюсть, чтобы тот не смог покончить с собой.

— Ваше Величество, ваш подчиненный задание выполнил! — Лань Сяочуань опустился на одно колено, даже не пытаясь отдышаться. Бросив взгляд на сотворенный им на полу шедевр, он счел, что справился блестяще: ведь он и Императора защитил, и бунтовщика взял живым.

— Ты выполнил задание? — Чао Чимин посмотрел на поверженного на полу человека и невольно потер переносицу, ощущая всю степень самодовольства в голосе Теневого стража. — Широко открытыми глазами взгляни на пол и на те стеллажи у стены? — сквозь зубы процедил Чао Чимин, сжимая в руке кисть. Если бы страж до сих пор не скрутил дувэя Гуаня, он серьезно сомневался, пустить ли эту кисть сначала на то, чтобы прикончить собственного Теневого стража, или же расправиться с мятежником.

Вскоре у дверей появилось множество стражников.

— Ваше Величество, как с ним поступить? — Командир левой и правой гвардий Ли Лянь, охранявший покой Императора, глядя на пригвожденного к полу дувэя Гуаня, никак не ожидал, что господин Гуань посмеет поднять руку на правителя. Это же тягчайшее

преступление, влекущее за собой казнь всех родственников до девятого колена.

Лань Сяочуань стоял на коленях, опустив голову.

Сразу после того, как он усмирил преступника, Император отчитал его на чем свет стоит и приказал встать на колени и подумать над своими ошибками.

Лань Сяочуань боязливо вжался в плечи, морщась от боли — спина горела огнем.

Подума подумаешь, поймал преступника, ну случайно оставил след сапога на императорском столе, ну задел все доклады, сбросив их на пол, ну обрушил шкафы у стены... Стоило ли Чао Чимину из-за такой мелочи поднимать бурю? Он же все-таки император, его широта взглядов должна быть куда масштабнее! Если он откажется здесь прислуживать, кто еще из стражей или евнухов сможет вынести службу рядом с ним?

Мысленно ворчал Лань Сяочуань.

Украдкой бросив взгляд на правителя, он увидел, что лицо того было ледяным, мрачным и источало подавляющее властное давление — аура была настолько грозной, что поднимать голову Лань Сяочуань больше не смел.

<http://bllate.org/book/21016/2136503>